

А. М. АТАБЕКЯН

Перелом в анархистском учении

Великая война, длящаяся уже четвертый год, расшатав все основы общественных взаимоотношений цивилизованного мира, — не могла не отразиться и на идеологии рабочего движения.

Она вызвала раскол в большинстве социалистических партий разных стран, а также среди последователей анархистского учения. Часть последних, которую следовало бы назвать *консервативной*, если бы это слово не слишком противоречило общему духу учения, осталась верна всем основам прежней доктрины, другая же часть, — назовем ее прогрессивной или *обновленческой*, — вместе с П. А. Кропоткиным, стала переоценивать свои идейные ценности в соответствии с новой исторической обстановкой.

Новое течение, как бывает всегда вначале, оказалось в меньшинстве, а потому в широких слоях общества, и в рабочей анархистской среде сложилось представление, будто сам основатель научного анархизма, Кропоткин, отшатнулся и даже отрекся от основ своего учения.

В связи с этим мнением в литературе и на сходках встречаются то грубые нападки на учителя со стороны его же малосознательный учеников, то сдержанные сожаления друзей, а порой и ликования противников анархистского учения.

Гораздо легче и доступнее судить о человеке по бытовательскому масштабу, критиковать его наспех убожеством сопоставлением обрывков его же мыслей, чем поглубже вдуматься в развитие *анархистского учения*, понять, что оно нам несет: ибо *Кропоткин не застывшая формула анархизма, а его живая мысль.*

Но вместе с этим Кропоткин всю свою жизнь был бойцом, энтузиастом пропаганды своих убеждений, и нам всем, его ученикам, следовало бы помнить это и постараться вникнуть в общее развитие его мысли, а не судить о ней поверхностно, по отрывкам проводимой им пропаганды своих назревающих новых идей.

Еще не настало время подводить итоги взглядам учителя на социальный вопрос в связи с мировой войной, так как не подведены еще итоги самой войны. Пока одно очевидно: переживаемая нами эпоха — не повторение минувших времен; история на этот раз не повторилась. Нашему поколению выпала на долю трудная и порой мучительная задача переоценки всех социалистических и анархистских идейных ценностей в соответствии с новой исторической обстановкой.

Анархизм вынужден обновиться и искать новой ориентации, иначе история его перерастет и отбросит в мир прошлого, как она это делает с застывшей теорией так называемого «научного социализма».

В этом отношении Кропоткин, первый подведший научный фундамент эволюционного мышления под учение об анархизме, остается все тем же научным светочем, который, в тумане переживаемых событий, мы, многие из его последователей, потеряли из вида, а теперь должны снова разыскивать, так как он у нас единственный.

Это он, в самом начала войны (21 сентября 1914 г.), пророчески предсказал, что *«теперешняя война творит новую историю. Она всем народам ставит новые условия общественного строительства»**.

Не видим разве мы все теперь, через три с лишним года, что эта война, действительно, заставляет нас творить новую жизнь и разве не этим она отличается от минувших, бесплодных в социальном отношении войн, к которым Кропоткин относился так отрицательно?

А, с другой стороны, разве не прав Кропоткин, когда говорит: «мы недостаточно предвидели, что целые народы способны быть завлечены своими правительствами и своими духовными вождями в дело завоевания соседних земель и народов, с целью национального обогащения или под предлогом исторических предначертаний»**?

* Письма о текущих событиях. — Москва, Издание «Задруга», 1918 г., стр. 20.

** Открытое письмо к западноевропейск. рабочим. Издание «Почин». Москва, 1918 г., стр. 3.

Без объединения всех слоев отдельных народов, в том числе, конечно, и пролетариата, для самозащиты и для нападения, разве возможна была бы эта чудовищная по своим размерам и ужасам война, длящаяся уже четвертый год?

Интернационалисты же, исходя из теоретических умозрений, за все время этой долгой войны нам все твердили о международной классовой солидарности.

И что же?

После восторжествования у нас в России циммервальдистов и захвата ими власти, к чему они пришли? Не к объявлению разве новой войны — «священной войны»? Это — после того, как сами же разрушили весь аппарат самозащиты, самую возможность самообороны!

Так разве не ясно, что прав был именно Кропоткин, с самого начала проповедовавший борьбу до крушения агрессивного милитаризма?

Мы не должны забывать: в истории развития капиталистических государств наступают моменты, когда они стремятся расчислить себе дорогу для дальнейшего промышленного преуспевания военными насилиями над другими странами и народами.

«Быстрое развитие германской обрабатывающей промышленности за последние сорок лет» разве не является решающим стимулом агрессивности тевтонского милитаризма, спаявшего в единое целое всю нацию, и не прав был разве Кропоткин, когда писал;

«Мы все жаждем мира. Никто из нас не хочет более бойни. Но простого желания недостаточно. Нужно иметь силу, чтобы принудить прекратить бойню тех самых, кто ее начал. А до сих пор германский народ не проявляет, что он понял, что его правители вовлекли его в безумную затею, неосуществимую и без исхода»*.

А наши русские циммервальдисты своим призывом к «священной войне» не к той же борьбе с германским народом звали, но уже после того, как всячески способствовали укреплению позиций германского милитаризма?

Темной, отсталой России пришлось горьким опытом дойти до сознания о необходимости самообороны. Мы тоже, русские анархисты, остались глухи к предупреждениям и призывам

* Откр. письмо к зап.-европ. рабоч., стр. 6.

своего пронизательного учителя и с легким сердцем поплелись за «пораженцами».

Раз самооборона необходима, то, естественно, выдвигается практический вопрос: как ее осуществить?

Борьба с воюющей государственностью возможна только в государственной форме, иначе говоря, нападающей армии капиталистического государства нужно противопоставить так же организованную, возможно лучше снаряженную армию.

Мы же все упорно возлагаем все свои надежды на интернациональную социальную революцию, на всеобщий международный бунт.

Всеобщую мировую войну мы видим уже четвертый год, но мирового бунта не дождались. Очевидно территориальное экономическое объединение всех слоев населения разных государств оказалось сильнее международного духовного единства пролетариата.

Но одни и те же причины могут одновременно вызвать одинаковые последствия; если социальная революция в *мировом масштабе* невозможна, так как не все народы достигли должной степени развития, то тем не менее она может вспыхнуть сразу в нескольких странах.

Даже в этом случае народившийся социализм не может обойтись без организованной армии, хотя бы для самообороны от народов, стоящих на более низких ступенях цивилизации.

Это не значит, конечно, что наша армия должна была остаться такой, какой революция унаследовала ее от самодержавия. Возведив в самом начале войны о *новых условиях общественного строительства*, Кропоткин вовсе не проводит мысль, что армия должна быть изъята из этого строительства.

Но что сделали с армией, после революции, наши социалисты-государственники? Своей «демократизацией» они вконец ее разрушили. Армия — организация техническая, требующая обширных профессиональных знаний. Не «демократизировать» ее нужно было общими выборами, для согласования с началами социал-демократической государственности, а превратить, аналогично синдикатам, в *профессиональную* организацию, руководимую тем самым идейным офицерством, которое во время свержения самодержавия в огромной своей массе дружно пошло с солдатами за народом.

Во имя чего Кропоткин, призывая к самообороне, проповедовал укрепить боевую мощь армии?

Во всяком случае, не для укрепления национального капитализма и империализма, так как он первый заговорил о *новой истории, творимой теперешней войной, о новых условиях общественного строительства.*

Не эту ли мысль он развил затем, сказав, что «надвинулась необъятная работа общественного строительства. Уже нет разговоров об утопии; нужно строить по новому плану, без замедления, по плану, основные линии которого уже очерчиваются. И давно пора, чтобы рабочие взяли в свои руки, без колебаний, это дело перестройки, не дожидаясь, чтобы Государство сделало это за них».

«Существенные черты общественной перестройки уже отмечены самой жизнью: всё производство необходимого, равно как и распределение созданных богатств, *должны быть организованы для удовлетворенья непосредственных нужд всех*»*.

Разве не целая программа анархистского строительства *без замедления* в этих строках?

Вот те *цели*, во имя которых Кропоткин звал под знамена армии, для их обороны от агрессивного внешнего милитаризма.

В чем же изменил Кропоткин своим идеалам?

Много ли нашлось столь же верных своим началам людей, как Кропоткин, чтобы не опьянеть от близости огромной власти и отказаться, *принципально* отказаться от предложенного ему Керенским поста министра-председателя? А ведь добрая половина «анархистских вожakov», нападающих на него за его мнимую измену своим идеалам, сами увиваются около «революционной власти», в погоне за платными должностями, а другая половина, своим молчанием, потворствует этому. Пройдем мимо...

Анархизм для учителя, выражаясь его словами «не бесплодная формула», не отвлеченная, оторванная от жизни идея. Как бы мы ни мечтали об отдаленном или близком будущем, высматривая задатки лучшего уклада общественной жизни в настоящем, практический вопрос исхода мировой войны стоит перед нами во весь рост. Результаты этого исхода не безразличны для судеб социального вопроса у нас. С одной стороны, мы видим мощную капиталистическую и милитаристическую государственность, а, с другой, — необъятную отсталую земледельческую страну с вкрапленной в нее тут-там распатанной промышленностью.

* Откр. письмо к зап.-евр. раб., стр. 5.

Разве не ясно, что нужно объединить *социалистические* промышленные центры, будущие «вольные города» России, с отсталой провинцией на федеративных началах, чтобы противопоставить сплоченную силу военному нашествию чужеземного капитализма для обеспечения дальнейшего свободного развития социализма и анархизма у себя?

Теперь русские анархисты, так дружно отвернувшееся от Кропоткина, «собственным умом» дошли до той же мысли. Недавно учитель, показывая мне статью «Вольный город Петроград»*, с горечью сказал: «Прекрасная статья... Они додумались до этого теперь, когда германские полчища со дня на день могут наводнить Петроград!»

А в этой статье изложена вся, давно проповедуемая уже Кропоткиным программа федеративного устройства России, дающая возможность каждой ее составной части свободно развиваться, а всем вместе обороняться.

Наши кропотливо созданные в мирное время теории опустошены этой войной.

Стройная по своей упрощенности теория борьбы классов — борьбы единого в своих интересах международного пролетариата с буржуазией, при первом же практическом столкновении с исторической действительностью, разлетелась в прах. Уже четвертый год *сознательные* пролетарии двух групп враждующих государств в коалиции *со всеми слоями своих народов*, ведут ожесточенную войну между собой. В русских же промышленных центрах, где капитализм окончательно побежден, как организованная сила, и находится в неограниченной власти диктатуры, проводимой от имени пролетариата, что мы видим? Пролетариат бессилен организовать новый социальный строй, так как не только его международное, но и его внутреннее единство оказалось фикцией. Чернорабочий ведет ожесточенную борьбу с квалифицированным мастерским из-за уравнивания заработка, пролетариат технических знаний, почувствовав нужду за дверью, и испытав насилия над своими профессиональными правами, отшатнулся от тех и от других, а тем временем производство погибает и стремительно влечет всех к экономической катастрофе. Теоретики социализма у власти еще не очнулись перед действительностью, борьбу различных профессиональных категорий пролетариата

* В № 1 «Труда и Воли», статья Буслаева.

они принимают за классовую борьбу из своей доктрины, и все более обостряют ее, все более разжигают ненависть между ними, все ожесточеннее и кровавее делают эту гражданскую войну.

Не прав разве Кропоткин, когда возлагает надежды на то, что «вызванное ею (войной) объединение всех слоев общества в одном общем деле не пройдет бесследно, а заложит зачатки более объединенной жизни»?*

В более развитых странах мы видим проявление этой объединенности: там внутренняя борьба не приняла уродливых форм, как в отсталой темной России. В этих зачатках объединения залог более скорого и более безболезненного перехода к новым справедливым общественным порядкам.

А основная идея Интернационала — международного объединения пролетариата, который согласованным действием должен был вести к осуществлению социализма, разве не потерпела крушение? Этого развития международного рабочего движения мы не дождались, а между тем ход исторических событий нам не дает времени ждать, когда полный расцвет капитализма охватит в равной мере все страны, и всю земледельческую провинцию в каждой из них, чтобы сделать возможным по «научной теории» осуществление социализма. Социальное строительство на новых началах стало неотложной задачей сегодняшнего дня и промышленные центры, при введении социализма, — он возможен только в них, — не должны навязывать свой социализм недоразвившейся провинции и деревне, как это делают теперь у нас, разнося повсюду ужасы междоусобной войны, а должны выработать взаимоотношения с ними на новых, *федеративных* началах.

Эта федерация необходима, прежде всего, для защиты *военной обороны* нашего свободного развития от воинственного внешнего капитализма.

Мировая война, распатав все основы современного общества, поставила перед нами задачу переоценки всех наших идейных ценностей, и, в первую очередь, *классовой борьбы, Интернационала и антимилитаризма*.

Наш учитель понял это своим гением в самом начале войны и мужественно приступил к этой тяжелой, мучительной, но необходимой работе.

* Письма о текущ. событиях; письмо 2-е, от 21 сент. 1914 г., стр. 20.

У большинства же анархистов, косных в затверженных формулах, не нашлось достаточно чуткости в понимании и независимости в мышлении, чтобы поспеть за ним.

Вот почему они твердят, будто Кропоткин изменил своим идеалам.

Учитель подводит только под наши общие идеалы практический фундамент, ибо для него живое дело дороже застывшей формулы.

Анархисты — не все те, кто в прессе и на митингах, на разные лады, твердят: «коммунистический анархизм, коммунистический анархизм!» Анархисты — Кропоткин и все последователи его основных идей до конца.

